

Список литературы

Мир личности: Творческий портрет профессора Л.Е. Кермана (под ред. П.Ю. Рахшмира). 1991. Пермь: Пермское книжное издательство. 165 с.

Шилов В.В. 1993. Строгановы были не только меценаты... — *Вопросы истории*. № 5. С. 196-197.

Шилов В.В. 2010. *Воспитание, образование, здоровье нации на Юге США: из опыта прямого наблюдения в июле-августе 2009 г.*: социологическое эссе. Галф-Шорес — Березники: Типография ПрессА. 170 с.

Шилов В.В. 2012. *Путевые заметки из Юго-Восточной Азии. Королевства Таиланд и Камбоджа*: историко-социологическое издание. Березники: ООО «ПрессА». 111 с.

Шилов В.В. 2014. Равнодушное и циничное «поколение надежд» уральской глупинки? — *Власть*. № 1. С. 101-104.

SHILOV Vladimir Victorovich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Head of the Chair of General Education, Berezniki branch of Perm National Research Polytechnic University (Khimikov st., 10, Berezniki, Perm region, Russia, 618400; vvs595959@mail.ru)

HISTORICAL SCIENCE AND AUTHORITY: THE PROBLEM OF RELATIONSHIP

part 3

Abstract. The author analyzes the complexities of relationships of authority and academic historians. The article also discusses the problem of the contradictory stages of the development of historical science in pre-Soviet and Soviet periods. Using the data of the sociological survey, held in the Ural industrial centers, the author discusses the student youth opinion about the topical issues of the Russian society, such as the problem of patriotism, immigration sentiment, morality and infantilism.

Keywords: historical responsibility, historiography, unified textbook, patriotism, brain drain, responsibility of scientist, civil courage

УДК 94(470) “1894/1917”

ЛУКЬЯНОВ Михаил Николаевич — д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; mloukianov@gmail.com)

ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В РОССИЙСКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Аннотация. Организация учреждений власти, возникшая в результате революции 1905–1907 гг., являлась объектом недовольства значительной части российских консерваторов, прежде всего правых. Не ограничиваясь критикой статус-кво, многие из них строили планы изменения существующего политического порядка, предлагали усилить власть монарха и ограничить права представительных учреждений.

В начавшейся летом 1914 г. войне представители экстремистской тенденции в российском консерватизме увидели дополнительный аргумент в пользу отказа от демократических институтов и практик. Сторонники слома статус-кво справа были настолько разочарованы реально существовавшими политическими порядками, что отказались их защищать во время февральско-мартовских событий 1917 г.

Ключевые слова: консерваторы, правые, политическая реформа, основные законы, Первая мировая война

Начало XX в. стало временем значительных сдвигов в политической практике и идеологии европейских консервативных движений. Многие европейские кон-

серваторы, обнаружив серьезные изъяны в социально-политическом статус-кво, выступили с планами его радикального переустройства справа. В Западной Европе эти тенденции наиболее ярко проявились в деятельности таких политических формирований, как Пангерманский союз и «Аксьон Франсэз». Согласно устоявшемуся в историографии представлению, всплеск экстремистских тенденций в европейских консервативных движениях начала XX в. явился реакцией на разрушение традиционных социально-политических структур и укоренение в общественной жизни либерально-демократических ценностей и институтов [The European Right... 1966: 9-10; Mayer 1981: 9-10; Green 1995: 327-328]. Ситуация в России после 1905 г., при всей ее специфичности, вполне соответствовала этому паттерну.

Основная масса российских консерваторов, прежде всего правые, с настороженностью отнеслись к политическим сдвигам, вызванным революцией 1905–1907 гг. Критикуя политические реформы революционной эпохи, они высказывались за то, чтобы внести серьезные изменения в политический порядок, установленный Основными законами 1906 г. В частности, предлагалось ограничить полномочия Государственной думы, ужесточить избирательное законодательство, расширить полномочия короны и т.п. [Лукьянов 2010].

Сторонники таких преобразований восприняли вступление России в Первую мировую войну как дополнительный аргумент в их пользу. В средствах массовой информации идеи правой политической реформы наиболее активно отстаивала «Земщина», близкая к руководству «Союза русского народа» и думской правой фракции, а также «Русское знамя», представлявшее в прессе «Всероссийский дубровинский союз русского народа».

Редактор «Земщины» С.К. Глинка-Янчевский предостерегал от созыва Государственной думы и Государственного совета¹. Надежду на то, что война поможет преобразовать законодательное представительство в законосовещательное, высказывал член фракции правых в Государственной думе С.А. Володимиров. По его мнению, представительное учреждение должно было олицетворять собой не политическое право, но повинность быть «земско-соборной помощью Самодержавному царю в Его Государевом деле»².

Активизация либеральной оппозиции в Государственной думе и Государственном совете летом 1915 г. и особенно создание Прогрессивного блока были восприняты этой частью российских консерваторов как дополнительное доказательство несовместимости реально существующих представительных институтов с монархией. «Гнездом крамолы и революции» именовалась Государственная дума в обращении к царю саратовского совещания монархистов в конце августа 1915 г.³ Ответом на действия оппозиции должна была стать диктатура с «вручением власти лицу, облеченному неограниченными полномочиями, дабы оно, стоя твердо на страже исторических устоев Русского государства, в корне пресекло всякие попытки к смуте»⁴.

Мысль о необходимости установления в стране «твердой власти» стала лейтмотивом решений совещаний (съездов) монархистов, состоявшихся в конце ноября 1915 г. в Петрограде и Нижнем Новгороде [Кириянов 2001: 239-259]. Выступая против идеи «министерства доверия», правые настаивали на предоставлении правительству полной свободы действий. Согласно мнению известного правого публициста Н.А. Павлова, облеченные властью не нуждались в помощи общественных деятелей. От последних требовалось только одно: не мешать государю и министрам делать свое дело⁵.

Другой правый публицист В. Руадзе в конце 1915 г. подготовил записку «О милитаризации правого движения в России». Автор предлагал объединить все правые

¹ С. Глинка-Янчевский. 1914. Не опасно ли? — *Земщина*. 25 авг. С. 2.

² Володимиров С. Просветы. — *Земщина*. 1914. 13 авг. С. 3.

³ Телеграмма Николаю II, отправленная совещанием представителей монархических организаций. — *Правые партии. Документы и материалы*. 1905–1917 (сост. Ю.И. Кириянов). М.: РОССПЭН. 1998. Т. 2. С. 444.

⁴ Пожелания, выраженные совещанием уполномоченных монархических организаций в г. Саратове 27–29 августа 1915 г. — *Там же*. С. 454.

⁵ Павлов Н. 1915. Не мешайте... — *Московские ведомости*. 24 нояб. С. 2-3; 25 нояб. С. 2.

формирования в единую «царско-народную партию», во главе которой должно было встать правительство¹.

Вышеуказанные проекты исходили из того, что реально существующая система власти в принципе позволяет добиться успеха в войне и победы над «крамолой», стоит лишь правительству проявить политическую волю и заручиться массовой поддержкой со стороны монархических организаций. Однако чем дальше, тем больше правым начинало казаться, что для победы над оппозицией нужно не просто пополнить правительство правыми бюрократами, но и осуществить изменения институционального характера.

В мае 1916 г. Н.Н. Тиханович-Савицкий сформулировал основные направления корректировки политических программ правых партий. Вопреки Основным законам он предлагал предоставить царю возможность принимать законодательные решения помимо Государственной думы и Государственного совета. «Нам нужен свободный царь-хозяин [курсив мой. — М.Л.], а не государь-чиновник...» — подчеркнул автор в письме своему одесскому коллеге Н.Н. Родзевичу².

В августе 1916 г. в «Русском знамени» была опубликована статья И.Л. Цытовича «Министр». Автор констатировал серьезные изъяны в системе управления государством и предлагал ее реорганизовать, поставив над правительством специальный орган — Высшее государственное попечительство.

Смысл его создания автор видел в том, чтобы обеспечить «государственное главенство русской национальности», защиту от чужеземного засилья, «справедливое отношение к интересам населяющих Россию инородных племен», успешные действия вооруженных сил России. Высшему государственному попечительству предоставлялось право при необходимости обращаться в Совет министров, Государственную думу, Государственный совет или к царю. Автор не оговаривал детали механизма формирования проектируемого органа, ограничиваясь указаниями на то, что его членами могли быть только русские православные с русскими фамилиями, носимыми не менее 100 лет, а их назначение должен был утверждать император³.

Эти соображения поддержал ведущий журналист «Русского знамени» Д.И. Булатович. В октябре 1916 г. в пространной статье под названием «Первая реформа» он предложил собственный вариант переустройства государственных учреждений, близкий по духу к проекту Цытовича. Правительство должно было формироваться не из министров, а из особых «шефов». На каждого из них возлагалась ответственность за определенную отрасль государственного управления. Осуществляя политическое руководство, «шеф» давал бы общие указания, но вторгаясь в оперативное управление соответствующим ведомством. Он олицетворял бы особую «правительствующую (правительственную) власть», которой должны были подчиняться министры — носители управительной (исполнительной) власти. Таким образом, как и у Цытовича, акцент делался не на разделении, но на соподчинении властей. «В государстве необходимо строгое различие трех видов властей: Верховной, Правительствующей и Исполнительной, со строгим подчинением третьей — второй и второй — первой»⁴.

С помощью такой реформы Булатович рассчитывал повысить эффективность работы министерств, усилить стратегический элемент в их деятельности, обеспечить действенный контроль над министерской бюрократией. Одновременно предлагалось ужесточить правительственный надзор над общественными организациями, лишив их возможности претендовать на власть⁵.

Стоит подчеркнуть, что проекты Тихановича-Савицкого, Цытовича и

¹ Докладная записка журналиста Вл. Руадзе (Вл. Смоленского) «О милитаризации правого движения в России». Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. (публ. Ю. И. Кирьянова). — *Вопросы истории*. 1996. № 3. С. 155–156.

² Из письма председателя Астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тихановича-Савицкого Н.Н. Родзевичу. 5 мая 1916 г. — *Правые партии*. Т. 2. С. 552.

³ Цытович И.Л. 1916. Министр. — *Русское знамя*. 23 авг. С. 2.

⁴ Люцилий [Булатович Д.И.]. 1916. Первая реформа. II. — *Русское знамя*. 15 окт. С. 1.

⁵ Люцилий [Булатович Д.И.]. 1916. Вторая реформа. — *Русское знамя*. 19 окт. С. 1; 20 окт. С. 2.

Булатовича появились еще до открытия последней сессии Государственной думы и Государственного совета 1 ноября 1916 г. и в сущности представляли собой программу превентивной «революции справа». Обострение политической конфронтации с началом работы представительных учреждений усилило стремление к радикальной перестройке политической системы.

На рубеже 1916–1917 гг. несколько проектов далеко идущей политической реформы разработали участники консервативного кружка А.А. Римского-Корсакова [Стогов 2007: 205–230]. Один из них, М.Я. Говоруха-Отрок, констатировал неудачу попытки переустройства Российского государства в период революции 1905–1907 гг. Он выделил два главных недостатка созданной политической конструкции: нечеткое разграничение полномочий между монархом и представительными учреждениями и «совершенную несостоятельность положения о выборах в Думу». Первый недостаток исправлялся превращением законодательного представительства в законосовещательное¹. Второй – кардинальным пересмотром избирательного законодательства. Выборы в Думу предлагалось сделать сословными – «от уездных, бытовых и сословных групп». Число избранных должно было превышать число думских мест, с тем чтобы финальный отбор происходил по жребию, а всего лучше – «по Высочайшему соизволению».

В конце 1916 – начале 1917 гг. появились новые публикации Д.И. Булатовича и И.Л. Цытовича. В ноябре 1916 г. Булатович сформулировал политический проект в духе корпоративизма. Промышленников и рабочих, с одной стороны, помещиков и крестьян – с другой, он отнес к «производительному классу»: первые элементы каждой пары олицетворяли «накопленный труд» – капитал, вторые – «наличный труд». «Производительный класс» противопоставлялся «посредническому». Государственный совет и Государственная дума подлежали упразднению как «искусственно созданная твердыня вреднейших для государства категорий посреднического класса»².

Главным направлением борьбы с «посредническим классом» должно было стать государственство всех сторон жизни. Государственную службу предстояло превратить в наиболее привлекательную область деятельности для талантливых людей. Следовало упростить законодательство, усилить влияние органов управления на суд, средства массовой информации, образовательные учреждения. На государственное жалование должно было перейти духовенство, которое было бы обязано часть своего времени уделять производительному труду.

В январе 1917 г. Булатович вернулся к идее усиления контроля над министрами сверху, предложив ради этого сформировать особый «Правительственный корпус». Усиление надзора над министерской бюрократией должно было предотвратить «вреднейшие колебания курса из стороны в сторону». По мнению Булатовича, основополагающими принципами функционирования системы власти являлись единоначалие и всеобъемлющий контроль вышестоящих над нижестоящими как главные принципы христианской государственности.

Л. Цытович в январе 1917 г. выпустил в Киеве брошюру под названием «Высшее государственное попечительство». Автор доказывал, что происшедшее с момента публикации статьи в «Русском знамени» полностью подтвердило обоснованность идеи радикальной политической реформы и создания Высшего государственного попечительства³.

Таким образом, в годы Первой мировой войны усилилось недовольство политической системой, сложившейся во время революции 1905–1907 гг. Война укрепила экстремистскую тенденцию в российском консерватизме, ориентацию на слом статус-кво справа с целью избавиться от демократических институтов и процедур, постепенно укоренившихся в политической практике [Кириянов 2006]. Разочарование в «старом порядке» стало важнейшим источником удивительной

¹ Записка, составленная в кружке А.А. Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным. – *Правые партии*. Т. 2. С. 591–592.

² Люцилий [Булатович Д.И.]. 1916. Путь и вехи. – *Русское знамя*. 11 дек. С. 1.

³ Цытович И.Л. 1917. *Высшее государственное попечительство*. Киев: Типография императорского университета св. Владимира. С. 11–12.

политической пассивности российских правых, в феврале 1917 г. отказавших ему в защите.

Список литературы

- Кириянов Ю.И. 2001. *Правые партии в России. 1911–1917*. М.: РОССПЭН. 464 с.
- Кириянов И.К. 2006. *Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве*. Пермь: Пермское книжное изд-во. 368 с.
- Лукьянов М.Н. 2010. Российские правые партии и политическая реформа в начале XX в.: адаптация или конфликт? — *Власть*. № 8. С. 110–112.
- Стогов Д.И. 2007. *Правомонархические салоны Петербурга — Петрограда (конец XX — начало XIX века)*. СПб.: Дмитрий Буланин. 312 с.
- Green E.H. 1995. *Crisis of Conservatism: The Politics, Economics and Ideology of the Conservative Party, 1880–1914*. London; N.Y.: Routledge and Keegan Paul. 432 p.
- Mayer A. 1981. *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War*. N.Y.: Pantheon. 367 p.
- The European Right: A Historical Profile* (ed. by H. Rogger, E. Weber). 1966. Bekeley; Los Angeles: University of California Press. 589 p.

LUKYANOV Mikhail Nikolaevich, Dr.Sci.(Hist.), Professor of the Chair of Modern Russian History, Perm State National Research University (Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614990, mloukianov@gmail.com)

THE EXTREMIST TREND IN RUSSIAN CONSERVATISM AND THE WORLD WAR I

Abstract. Many Russian conservative politicians, mainly of the right orientation, severely criticized the political order, defined by the Fundamental Laws of 1906. They did not limit themselves with the sheer critique of the status quo but insisted on its radical transformation. The conservative politicians of the right orientation suggested the limitation of the authority on the level of the representative chambers while increasing the Tsar's prerogative.

The representatives of this extreme tendency in the Russian conservatism used the World War I as a pretext to stop the process of political modernization. In 1914–1917 they elaborated a number of projects, aimed at eliminating Russian public life from liberal and democratic political institutions and practices. Their disappointment in the really existing political order led to their refusing to defend the Monarchy and the Monarch in February–March 1917.

Keywords: conservatives, right, political reform, Fundamental Laws, World War I

УДК 94(470) «1941/1945»

ФРОЛКИН Павел Петрович — д.и.н., профессор Саратовского социально-экономического института — филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89; Frolkinpp@yandex.ru)

МАРУЦКИЙ Эдуард Сергеевич — д.и.н., профессор Саратовского социально-экономического института — филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ШИШКИН Дмитрий Петрович — аспирант Саратовского социально-экономического института — филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (dm@kpsaratov.ru)

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ВОИНСКАЯ ЧАСТЬ Л. СВОБОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (Оренбургский этап)

Аннотация. Авторы статьи исследовали историю создания первого чехословацкого воинского соединения под командованием Л. Свободы на территории СССР. Изучены вопросы размещения, снабжения,